

4. Korolova A. L. Semanticheskaja priroda obraznyh sredstv v sovremennom anglijskom jazyke. – Moscow, 1975. – 29 p.
5. Mezenin S. M. Obraznost' kak lingvisticheskaja kategorija // Voprosy jazykoznanija. – 1083. – № 3. – pp. 48–57.
6. Nekrasova E. A. Sravnenija // Jazykovye processy sovremennoj russkoj hudozhestvennoj literatury. Pojezija. – Moscow, Nauka, 1977. – pp. 240–294.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / RAN ; Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. – 4-e izd., dop. – Moscow : A TEMP, 2004. – 944 p.
8. Cheremisina M. I. Sravnitel'nye konstrukcii russkogo jazyka. – Novosibirsk, Nauka, 1976. – 270 p.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ТИПАЖ «ЗАВИСТНИК»

Волкова Яна Александровна, кандидат филологических наук, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400131, Россия, г. Волгоград, пр. Ленина, 27, e-mail: y.a.v@list.ru.

В статье описывается коммуникативный типаж «завистник», рассматривается и уточняется содержательный минимум соответствующего понятия, выявляется ценностная составляющая исследуемого концепта, анализируются основные особенности коммуникативного поведения типажа «завистник».

Ключевые слова: деструктивная коммуникативная личность, деструктивность, зависть, коммуникативный типаж, концепт

COMMUNICATIVE CHARACTER TYPE “ENVIER”

Volkova Yana A., Candidate of Philology, Volgograd State Social-Pedagogical University, 400131, Russia, Volgograd, 27 Lenin Av., e-mail: y.a.v@list.ru.

The article describes the communicative character type “envier”, considers and specifies the conceptual minimum of the corresponding notion, reveals the axiological component of the concept under discussion, analyses the major peculiarities of the communicative behaviour of the “envier” character type.

Keywords: destructive communicative personality, destructiveness, envy, communicative character type, concept

Пристальное внимание лингвистов к изучению языковой личности, её коммуникативной специфики привело в последние годы к появлению новой интегративной парадигмы языкознания – лингвоперсонологии, интересы которой сосредоточены на человеке как носителе языка во всём многообразии его социальных ролей и особенностей коммуникативного поведения. Начало исследования коммуникативных типажей было положено в работах В.И. Карасика, О.А. Дмитриевой, М.В. Мироненко, Н.Н. Панченко. Необходимо оговориться, что, несмотря на то что лингвокультурный и коммуникативный типаж имеют в своей основе концепт как ментальную единицу, они не могут рассматриваться как идентичные понятия: моделирование лингвокультурных типажей представляет собой акцент на историческом и культурном бытовании языковой личности; при анализе коммуникативного типажа акцент, прежде всего, ставится на описании типовых особенностей коммуникативного поведения вне зависимости от социальных и этнических характеристик языковой личности. Коммуникативный типаж рассматривается «как типичный представитель группы коммуникативных личностей, объединённых общими признаками коммуникативного поведения <...> данный тип личности в принципе не зависит от этнических и социальных характеристик и проявляется исключительно в специфике коммуникативного поведения» [6, с. 39]. Мы полагаем, что в коммуникативном пространстве выделяется особый тип коммуникативной лич-

ности, а именно деструктивная коммуникативная личность, реализующая себя через деструктивное общение. В свою очередь, под деструктивным общением понимается тип эмоционального общения, направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы (и/или сознанием собственной правоты). Деструктивная коммуникативная личность выделяется и рассматривается по особенностям её коммуникативного поведения.

Принимая за основу мнение В.И. Карасика и О.А. Дмитриевой, что типаж есть разновидность концепта и, следовательно, его изучение должно включать рассмотрение понятийной, образной и ценностной составляющих [2; 3], мы основываемся на методике рассмотрения коммуникативных типажей, предложенной Н.Н. Панченко. Моделирование коммуникативного типажа должно включать: а) уточнение и анализ понятийного содержания соответствующего концепта в системе близкородственных понятий; б) выявление образных и ценностных характеристик; в) анализ высказываний, описывающих рассматриваемый коммуникативный типаж; г) анализ дискурсивных особенностей рассматриваемого типажа [10, с. 178]. В настоящей статье проводится анализ коммуникативного типажа «завистник» в русскоязычной лингвокультуре.

При рассмотрении понятийного ядра концепта следует отметить, что большинство словарей предлагает достаточно простое толкование данной лексической единицы: *Завистник – тот, кто завидует другим; завистливый человек* [9; 11]. Синонимические словари русского языка не предлагают синонимов к данному слову. Очевидно, что для определения понятийного ядра концепта необходимо обратиться к определению собственно эмоции зависти, точнее, эмоционально-когнитивного комплекса зависти. Анализ понятийного ядра концепта «зависть» по толковым словарям выявил такие его базовые компоненты, как «неудовольствие, досада, желание обладать ценностями другого». Зависть – *«свойство того, кто завидует; досада по чужом добре или благе; нежелание добра другому, а одному лишь себе»* [1]; *«чувство досады, вызванное превосходством, благополучием другого, желанием иметь то, что есть у другого»* [11]; *«чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого»* [9]. С точки зрения языковой семантики, ни одно из данных определений не является абсолютно корректным, ибо нельзя определять одну эмоцию через другую. Поэтому, обращаясь к терминологическим словарям, находим следующее определение зависти: зависть – *«проявление мотивации достижения, при которой чьи-либо реальные или воображаемые преимущества в приобретении социальных благ (материальных ценностей, успеха, статуса, личных качеств и пр.) воспринимаются субъектом как угроза ценности “Я” и сопровождаются аффективными переживаниями и действиями»* [7]; *«порок, который состоит в том, что человек испытывает чувство досады, вызванное желанием обладать имуществом, способностями, успехом предмета своего порока, его счастьем. Чтобы скрыть свои чувства от себя и других, завистник облачает зависть в форму добродетели, справедливости и утверждает, будто тот, кому он завидует, приобрёл свое состояние нечестным путём, добился успеха хитростью, а способности его – чистой выдумкой и т.д.»* [13].

Этимологически прослеживается связь с производным от *завида* «зависть», образованного от *завидеть* «завидовать», префиксальной формы к *видеть*. Развитие значений в *завидовать* и *видеть* аналогично лат. *invidēre* «завидовать» и *vidēre* «видеть» [12]. Интересно, что ни в одном из приведённых определений не прослеживается непосредственная связь зависти с агрессией и деструктивностью. Большинство определений выделяет в качестве основного мотива зависти желание иметь то, что есть у другого. Определение, наиболее полно отражающее феноменологию зависти, было дано в 1912 году в «Энциклопедии религии и этики», и мы позволим себе процитировать его полностью: «Зависть – это эмоция, эгоистическая и злонамеренная по существу. Она направлена на людей и подразумевает неприязнь к человеку, который обладает тем, чего желает завистник, и желание причинить ему ущерб. В её основе лежат эгоистическая жадность и неприязнь. В ней также есть сознание своей неполноценности по сравнению с объектом зависти и раздражение от этого. Я чувствую,

что тот, у кого есть то, чему я завидую, имеет преимущество по сравнению со мной, и я возмущен этим. Следовательно, я радуюсь, если та вещь, которой я завидую, не приносит ему полного удовлетворения, и радуюсь ещё больше, если она приводит к неудовлетворению и боли – ведь это уменьшает в моих глазах его превосходство и способствует моему самонению. Поскольку зависть проявляет в завистливом человеке неудовлетворённые желания и указывает на чувство беспомощности, в том смысле, что у него нет ощущения власти, которое дало бы ему обладание желанным объектом, она является болезненной эмоцией, хотя ей и сопутствует наслаждение, когда её объект постигает несчастье» [15]. В данном определении суть исследуемого явления раскрывается поэтапно, в полном соответствии с прототипическим подходом к моделированию эмоциональных концептов А. Вежицкой и З. Кевечеса (см. выделение), и состоит именно в получении удовлетворения от страданий другого, в собственном возвышении за счёт унижения другого. В отличие от ненависти, вовсе не обязательно, чтобы объект зависти совершил какое-либо оскорбительное для субъекта действие: объекту достаточно просто обладать тем, чего нет у субъекта. При этом зависть – активное чувство: «Зависть – это злобное чувство, что другой человек обладает и наслаждается чем-то желаемым, завистливый импульс направлен на то, чтобы отобрать или испортить это» [4, с. 10]. Всё вышеизложенное демонстрирует важнейшую роль зависти как главной эмоциональной характеристики завистника в проявлении агрессии вообще и межличностной агрессии в частности.

Таким образом, мы можем предложить следующее определение понятия «завистник»: это человек, испытывающий чувства досады, раздражения, злобы, вызванные удачей, успехом, благополучием другого, сопровождаемые желанием обладать тем, что есть у другого, при этом испытываемые чувства побуждают его к агрессивным действиям прямого или косвенного характера.

Выявление ценностных характеристик рассматриваемого коммуникативного типажа было проведено на материале пословиц и поговорок (202) и афористических высказываний (63), объединённых эмоциональным концептом «зависть», полученных в результате сплошной выборки из словарей пословиц и поговорок, словарей афоризмов в русском языке. Подробный анализ собственно концепта зависти был проведён в работе И.В. Несветайловой [8]; мы же остановимся на рассмотрении ценностных характеристик завистника как типизируемой деструктивной личности. Как и ожидалось, в абсолютном большинстве паремий эксплицируется резко отрицательная оценка зависти и поведения завистника: *Глаза (Очи) завидуици, руки загребуици. На чужое добро и глаза разгораются. Лишнего пожелаешь – последнее потеряешь. Погнался за крохую, да без ломтя остался. Завистью ничего не возьмёшь (не сделаешь). Не радуйся чужому безвременью, сам под богом. Чужой бедой сыт не будешь.* Зависть не даёт покоя завистнику, он постоянно отрицательно загружен в эмоциональном плане: *Сосед спать не даёт: хорошо живёт. Не столько смущает свой убыток, сколько чужой прибыль. Охал дядя, на чужие деньги (достатки) глядя.* Зависть родственна жадности: человек завидующий, прежде всего, жаден (см. также [4]): *Есть много, а хочется больше. Завистливое око видит широко (далёко).* Завистник агрессивен – он готов на всё, чтобы причинить страдания объекту своей зависти: *Господи, господи! Убей того до смерти, кто лучше нашего живёт (или: у кого денег много да жена хороша). Завистливый своих двух глаз не пожалеет. Себя изведу, а тебя дойму. Сам наг пойду, а тебя по миру пуцу. Люди выпьют, как платком вытрут; а он выпьет, как огнем выжжет. У богатого богатины пива-меду много, да с камнем бы его в воду.* Завистник не раскаивается в своих действиях, ему чужды угрызения совести: *Завидуици глаза не знают стыда. Когда сыт, так знай стыд.* Однако завистник наносит вред, в первую очередь, себе: *Железо ржа съедает, а завистливый от зависти погибает. Завистливый по чужому счастью сохнет (чахнет). На чужой живот гляди да сохни. От зависти пожелтел. Злой плачет от зависти, а добрый от радости (от жалости).*

Таким образом, коммуникативный типаж «завистник» является носителем отрицательных ценностей: жадности, (неконтролируемой) злобы и ненависти, у него нет

ни стыда, ни совести, его поведение осуждается социумом. Он готов на всё, вплоть до физической расправы, лишь бы заставить страдать объект своей зависти, но при этом в первую очередь страдает сам.

Далее был проведён анализ сочетаемости лексемы «завистник» на материале русскоязычных публицистических и художественных текстов (410 контекстов). В результате обобщения контекстуальных употреблений имени рассматриваемого концепта выявлены следующие характеристики коммуникативного поведения завистника.

1) **Интенциональность.** Реальные достоинства / недостатки объекта зависти не играют существенной роли в действиях завистника. Зависть, мотивационная основа поведения завистника, базируется на глубоком внутреннем убеждении, что объект зависти не заслуживает успеха, признания, награды и т.п., так как не обладает для этого необходимыми талантами. В качестве примера приведём выдержку из беседы И.В. Гёте с И. П. Эккерманом от 14 марта 1830 г.:

«Я чувствую, что это лишь новая форма старой ненависти, с которой меня преследуют уж невесть сколько лет, тьчась исподтишка мне напакостить. Я знаю, для многих я как бельмо на глазу и они жаждут от меня избавиться. А поскольку теперь меня уже нельзя поносить за особенности моего таланта, они придираются к моему характеру. Объявляют меня то гордецом, то эгоистом, твердят, что я завирую молодым талантам, что моё основное занятие – предаваться чувственным наслаждениям. То я чужд христианства, то, наконец, начисто лишён любви к своему отечеству и нашим добрым немцам» (И. Эккерман. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни).

Как видно из приведённого отрывка, И.В. Гёте осознает, что завистникам не нужна объективная оценка его человеческих качеств, а нужен повод сознательно придаться к чему-либо и «исподтишка напакостить». Последнее подводит нас к следующей важнейшей черте коммуникативного поведения завистника.

2) **Агрессивность / деструктивность.** Убеждение в том, что объект зависти не достоин занимаемого им высокого положения, уважения, любви и т.п., создает психологическую основу для совершения завистником агрессивных действий. В большинстве своем речь идет о косвенных проявлениях вербальной и невербальной агрессии – сплетнях, клевете, злопыхательстве, различного рода кознях и интригах. Однако завистник готов к проявлению прямой физической агрессии и прибегает к ней, несмотря на страх наказания. Снова обратимся к беседам И.В. Гёте с И.П. Эккерманом:

«Затем Гёте заговорил о своих противниках, заметив вскользь, что этот род не вымирает. <...> Вторую группу, и тоже немалую, образуют завистники. Эти не признают за мной права на счастье и высокое положение в обществе, которого я добился своим талантом. Они силятся подточить мою славу и охотно прикончили бы меня. Но если бы я вдруг стал бедным и несчастным, они бы прекратили травлю» (И. Эккерман. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни).

Гёте понимает, что завистники охотно бы прибегли к физической расправе над ним («прикончили бы меня»), то есть поведение завистников в высшей мере агрессивно и деструктивно. Он также верно подмечает, что травля прекратилась бы, если бы он потерял своё положение и счастье.

Во многих случаях «зависть может принимать форму ярко выраженной и направленной вовне ненависти. Завистник втайне пытается навредить тому, кому он завидует» [5]. Следующие примеры также характеризуют завистников как людей, способных осуществлять акты косвенной агрессии против объекта своей зависти: *А то превратишься в завистника, пакостника, доносчика* (В. Стеценко. Из воспоминаний о Леонове); *Мало того, вы можете не опасаться недоброжелателей: какие бы интриги ни плели против вас завистники, босс все наветы пропускает мимо ушей* (А. Шубин. Путь к благополучию); *Так вот, Ольга самолично написала, как хороша завуч, хотя некоторые завистники и злобники не выбирают выражений, работая с ней по соседству* (Г. Щербакова. Моление о Еве); *Совсем недавно все слышали сенсационную новость о смерти Джона Бон Джови, которая, как выяснилось, оказалась ложной. Злая шутка была содеяна малоизвестным музыкантом из*

чувства зависти к певцу (Джона Бон Джови похоронил его завистник из Пенсильвании) (<http://www.kp.ru/daily/25814/2793687/>).

Однако завистник способен и на проявление прямой физической агрессии, вплоть до физической расправы: *50-летнего жителя Белгородской области Владимира Х. так измучила зависть к бывшему коллеге и приятелю Геннадию Т., что он схватился за нож. <...> Успех приятеля не давал Владимиру покоя. Когда приятели встретились на улице и предприниматель стал рассказывать о своих заработках, Владимир, едва сводящий концы с концами, выхватил нож и вонзил его Геннадию в грудь (Завистник убил коллегу и взорвал себя)* (<http://lifenews.ru/news/62383>).

3) **Направленность на адресата/адресатов.** В то время как ненависть и злоба могут не иметь конкретного адресата, то есть могут распространяться на целые социальные и этнические группы (ненависть к евреям, цыганам, всему миру; женоненавистничество), зависть имеет конкретного адресата/ов и может экстраполироваться на всех людей, обладающих тем, что жаждет получить завистник:

Марк завидовал этим неспешно жуящим богачам, ковыряющим мясо цесарки в зубах, на мизинце посверкивает бриллиант величиной с фигу, а девушка напротив покачивает серебряной туфелькой, скользкий шелк падает с тёплого колена, и сгорбленный ветром прохожий замедляет шаг (Т. Орлова. Ловушка для ящериц).

Однако деструктивное коммуникативное поведение завистника не всегда ограничивается действиями против объекта зависти: окружение завистника также может попасть «под горячую руку». Достаточно вспомнить Федора Долохова из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» – эгоистичного и болезненно самолюбивого молодого человека, которому не даёт покоя зависть к богатству и связям его друзей. Долохов жестоко унижает не только Пьера Безухова, непосредственный объект своей зависти, но и французов и низших по званию на войне. Согласно данным психологии, именно зависть может провоцировать криминальное поведение, в частности хулиганство и вандализм [5].

Любопытно, что некоторое количество проанализированных паремий и контекстов предполагает положительную оценку зависти: *Лучше жить в зависти, чем в жалости. Лучше быть у других в зависти, нежели самому в кручине.* Здесь же уместно вспомнить и некоторые афоризмы: «*Лучше быть предметом зависти, чем сострадания*» (Геродот); «*Зависть – сестра соревнования, следственно из хорошего роду*» (Цицерон); «*Зависть – сестра соревнования*» (А.С. Пушкин); «*В зависти, среди прочего, заложена и любовь к справедливости*» (У. Хэзлитт). Наличие положительной оценки в структуре эмоционального концепта зависти предполагает, по крайней мере, два объяснения: либо зависть может рассматриваться как амбивалентный эмоционально-когнитивный комплекс, либо намечается некий сдвиг концепта или, точнее, подмена зависти на соревновательность, которая, в свою очередь, является смежным по отношению к зависти концептом. Существует мнение, что зависть и действия завистников стимулируют конкуренцию, достижение целей. Например, немецкий социолог Г. Шек выдвинул тезис об определённой благотворной роли зависти в механизме поддержания социальных норм, необходимых для всякого общественного сотрудничества [14, с. 493–498]. Возвращаясь к собственно типизируемой коммуникативной личности завистника, отметим, что при всей возможной положительной оценке зависти на настоящем этапе нами не выявлено положительной оценки личности завистника: действия завистника оцениваются однозначно отрицательно с точки зрения деструктивного воздействия как на внешние объекты, так и на личность самого завистника.

Подведем итоги. Завистник – индивид, которого отличает деструктивная линия поведения: желание обладать тем, что есть у другого, сопровождается отрицательными эмоциональными вербальными и невербальными проявлениями досады, раздражения, злобы и, в конце концов, ненависти. Последние два относятся к активным деструктивным эмоциям и способны перевести пассивные эмоциональные состояния завистника в открытые деструктивные действия как вербального, так и невербального плана. Аксиологическая характеристика завистника представлена восприятием его

как деструктивного типа личности, негативно воздействующего не только на межличностные отношения, но и на собственное Я. Однако наличие в концептуальной структуре зависти положительной оценки позволяет высказать предположение, что, хотя коммуникативный типаж «завистник» является наиболее ярким проявлением деструктивной коммуникативной личности, его роль в социуме не может быть квалифицирована как однозначно отрицательная. Данное положение носит характер гипотезы, требует дальнейшего рассмотрения и может быть отнесено на ближайшую перспективу исследования.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1989.
2. Дмитриева О. А. Паспорт лингвокультурного типажа «казак» / О. А. Дмитриева // Антропологическая лингвистика : сб. науч. тр. / под ред. проф. Н. А. Красавского. – Волгоград : Колледж, 2007. – Вып. 7. – С. 133–139.
3. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград : Перемена, 1996. – С. 3–16.
4. Кляйн М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / М. Кляйн. – Санкт-Петербург : Б.С.К., 1997. – 96 с.
5. Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей / П. Куттер. – Санкт-Петербург : Б.С.К., 1998. – 115 с.
6. Мироненко М. В. Шутник как коммуникативная личность : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Мироненко. – Волгоград, 2005. – 211 с.
7. Мещеряков Б. Большой психологический словарь / Б. Мещеряков, В. Зинченко. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/08.php, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Несветайлова И. В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Несветайлова. – Волгоград, 2010. – 13 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Русский язык, 1987.
10. Панченко Н. Н. Коммуникативный типаж «притворщик» / Н. Н. Панченко // Вестник ЧелГУ. Сер.: Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2009. – Вып. 30. – С. 94–98.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – Санкт-Петербург : Терра, Азбука, 1996.
13. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.]. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 576 с.
14. Шек Г. Зависть: теория социального поведения / Г. Шек. – Москва : ИРИСЭН, 2008. – 544 с.
15. Davidson W. L. 'Envy and Emulation' / W. L. Davidson // Hastings, James, ed.: Encyclopedia of Religion and Ethics, Vol. 5. – New York and Edinburgh : Scribner/Clark, 1912. – Режим доступа: http://www.archive.org/details/encyclopaediaofr_05hastuoft, свободный. – Яз. англ.

References

1. Dal' V. I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka : v 4 t. – Moscow, Russkij jazyk, 1989.
2. Dmitrieva O. A. Paspport lingvokul'turnogo tipazha "kazak" // Antropologicheskaja lingvistika / pod red. prof. N. A. Krasavskogo. – Volgograd, Kolledzh, 2007. – Vyp. 7. – pp. 133–139.
3. Karasik V. I. Kul'turnye dominanty v jazyke // Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty. – Volgograd, Peremena, 1996. – pp. 3–16.

4. Kljajn M. Zavist' i blagodarnost'. Issledovanie bessoznatel'nyh istochnikov. – St. Petersburg, B.S.K., 1997. – 96 p.
5. Kutter P. Ljubov', nenavist', zavist', revnost'. Psihoanaliz strastej. – St. Petersburg, B.S.K., 1998. – 115 p.
6. Mironenko M. V. Shutnik kak kommunikativnaja lichnost'. – Volgograd, 2005. – 211 p.
7. Meshherjakov B., Zinchenko V. Bol'shoj psihologicheskij slovar'. – Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/08.php.
8. Nesvetajlova I. V. "Zavist'" i "revnost'" kak jemocional'nye koncepty russkoj i anglijskoj lingvokul'tur. – Volgograd, 2010. – 13 p.
9. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka. – Moscow, Russkij jazyk, 1987.
10. Panchenko N. N. Kommunikativnyj tipazh «pritorshhik» // Vestnik ChelGu. Ser.: Filologija. Iskusstvovedenie. – Cheljabinsk, 2009. – Vyp. 30. – pp. 94–98.
11. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod. red. D. N. Ushakova. – Available at: <http://ushakovdictionary.ru>.
12. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t. – St. Petersburg, Terra, Azbuka, 1996.
13. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' / red.-sost. E. F. Gubskij [i dr.]. – Moscow, INFRA-M, 2005. – 576 p.
14. Shek G. Zavist': teorija social'nogo povedenija. – Moscow, IRISJEN, 2008. – 544 s.
15. Davidson W. L. 'Envy and Emulation' // Hastings, James, ed.: Encyclopedia of Religion and Ethics, Vol. 5. – New York and Edinburgh, Scribner/Clark, 1912. – Available at: <http://www.archive.org/details/encyclopaediaofr05hastuoft>.

АНАЛИЗ ЯВЛЕНИЯ «ПЕРИФРАЗА» В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Гонзина Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Мязина Юлия Евгеньевна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: juliamyazina@yandex.ru.

Данная статья посвящена лингвистическому понятию – термину «перифраза». Исследование строится на анализе явления «перифраза» с точки зрения истории. Употребление и функционирование перифразы неотрывно связано с общей эволюцией языка, то есть с развитием человеческого общества. Явление перифразы имеет довольно долгую историю. Изучение корней возникновения и эволюции перифразы позволит глубже понять это стилистическое явление.

Ключевые слова: перифраза, перифрастический оборот, история, исторический аспект, эволюция, лингвистика

ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF “PERIPHRAISIS” IN THE HISTORICAL ASPECT

Gonzina Natalia M., Candidate of Philology, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a, Tatischev St.

Myazina Julia E., postgraduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a, Tatischev St., e-mail: juliamyazina@yandex.ru.

This article is devoted to the linguistic concept – the term “periphrasis”. The research is based on the analysis of the phenomenon of “periphrasis” in terms of history. The use and operation of periphrasis is closely connected with the overall evolution of the language, that is, with the development of human society. Phenomenon of periphrasis has a long history. Study of the roots and evolution of periphrasis will promote deeper understanding of this stylistic concept.

Keywords: periphrasis, periphrastichesky unit, history, historical aspect, evolution, linguistics